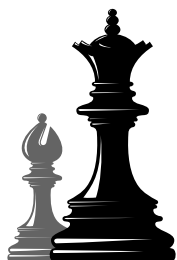

КЛАССИЧЕСКИЕ
ШАХМАТНЫЕ
УЧЕБНИКИ

АЛЕКСАНДР

АЛЕХИН

МОИ ЛУЧШИЕ ПАРТИИ 1908—1923

КЛАССИЧЕСКИЕ
ШАХМАТНЫЕ
УЧЕБНИКИ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 794.1
ББК 75.581
А49

Алехин, Александр Александрович.

А49 Мои лучшие партии. 1908—1923 / Александр Алехин. — Москва :
Эксмо, 2026. — 368 с. : ил. — (Классические шахматные учебники).

ISBN 978-5-04-242405-2

В книге «Мои лучшие партии. 1908—1923» великий русский шахматист Александр Алехин собрал свои самые удачные партии.

Каждая сопровождается последовательным описанием ходов, диаграммами с позициями и развернутыми комментариями шахматиста.

Книга позволяет заглянуть в мышление Алехина через его личную оценку собственных игр, объяснение идей, планов и комбинаций, ошибок соперников и особенностей позиции.

УДК 794.1

ББК 75.581

ISBN 978-5-04-242405-2

© Алехин А.А., текст, 1927

© Фото на обложке: © Zoom Historical / Legion-media

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Александр Александрович Алехин родился в Москве 31 октября 1892 г. В 1900 г. он поступил в гимназию Поливанова, во время обучения в которой всегда был в числе лучших учеников интересно отметить, что труднее других наук ему давалась математика.

По окончании гимназии он поступил в Училище правоведения в Петербурге, которое окончил в 1914 г. Выпускные экзамены совпали со временем международного турнира. С 1914 г. по 1919 г. был на фронте в качестве начальника летучки Красного креста. В 1919—1921 годах жил в Москве. Весной 1921 г. уехал за границу, а с 1923 г. поселился в Париже. Там он закончил свое юридическое образование, защитив в 1926 г. в Сорбонне диссертацию на степень доктора прав.

С шахматами Алехин познакомился в возрасте семи лет, сразу же заинтересовался ими и стал серьезно относиться к ним: изучал теорию, записывал свои партии и даже комментировал их. Первое время он играл в узком домашнем кругу. Постоянными партнерами его были московские шахматисты I категории: Константин Иванович Исаков, Василий Иванович Розанов, Николай Петрович Целиков, братья Алексей Сергеевич (будущий шахматный мастер) и Павел Сергеевич Селезнев и его старший брат (1888 г. р.) Алексей Александрович. В этом кругу Алехин делал чрезвычайно быстрые успехи и вскоре стал там лучшим. Затем он начал посещать Московский шахматный кружок, а также много играл по переписке. В возрасте шестнадцати лет, в 1909 г., он взял

первый приз на очень сильном по составу всероссийском турнире любителей в Петербурге, став мастером.

Острый интерес к шахматам и вдумчивое отношение к ним, сохранившиеся у Алехина навсегда, помогли полностью развернуться и проявиться яркому дарованию. Но если при первых выступлениях характернейшей чертой его игры было богатство фантазии, то позднее, одаренный исключительной силой воли, он сумеет выработать в себе и холодную технику. Красота дерзкого искания сочетается у него с умением найти правильный путь к истине.

Разносторонняя творческая фантазия при совершенной технике поставила его в ряды величайших мастеров в истории шахматного искусства, в то же время оригинальность его дарования и неутомимые искания новых путей сделали его популярнейшим из современных маэстро. И действительно, он вносит новое туда, где все кажется обыденным, он открывает гармонию там, где все ви-

дят лишь хаос, он находит нить логической неизбежности, где другие о ней и не подозревают.

В этом причина шахматных успехов Алехина, в этом тайна обаяния его в глазах шахматного мира.

Ищущий новые пути, неуклонно стремящийся к совершенству, Алехин всегда был не только шахматистом-практиком, но и шахматистом-мыслителем в лучшем смысле этого слова, а потому стал и шахматистом-писателем. Объективность, глубина и точность всегда были характерными чертами его анализов. Первый же его крупный труд — «Сборник партий международного турнира в Нью-Йорке 1924 г.» с его же примечаниями — обеспечил ему репутацию лучшего комментатора нашего времени. И настоящее собрание его лучших партий, дающее яркий образ гениального шахматиста Алехина, несомненно, явится крупным событием в шахматной литературе.

Н. Греков

ТВОРЧЕСТВО А. А. АЛЕХИНА

Статья С. Тартаковера

Среди наиболее талантливых шахматных маэстро сравнительно молодой еще А. А. Алехин в последние годы занял совершенно исключительное место.

Говорить о его даровании, о талантливости его игры не приходится: нет человека, интересующегося шахматной игрой, который бы не знал хорошо его имени, его успехов, его шахматного творчества.

Можно даже поставить вопрос: почему шахматист, с такими блестящими практическими и теоретическими достижениями, проявивший столько оригинального творчества, все еще не является чемпионом мира?

Причины здесь следующие:

— во-первых, исключительно раннее выступление его как *enfant prodige**, а то и как *enfant gâté*** в шахматном мире;

* Вундеркинд. — *Прим. ред.*

** Баловень. — *Прим. ред.*

— во-вторых, мировая война, надолго пресекая его шахматную деятельность;

— в-третьих, вообще довольно хаотическая постановка вопроса о первенстве в мире, царящая в шахматах;

— в-четвертых, наконец, сам шахматный мир, очевидно, не пожелавший чемпиона-философа, как Ласкер, и не желающий чемпиона-искателя, как Алехин, а предпочитающий чемпиона-виртуоза, как Капабланка.

* * *

Изучая эволюцию творчества Алехина, мы можем отметить три этапа:

— Алехин 1914 года, несмотря на свою молодость, уже ставший в Петербурге и в Мангейме впереди всех первоклассных маэстро (за исключением обоих чемпионов мира, Ласкера и Капабланки);

— Алехин 1921 года, непрерывным рядом триумфов на турнирах (в Триберге, Будапеште и Гааге он не проиграл из тридцати партий ни одной) ставший лучшим в Европе; и, наконец,

— Алехин 1925 года, поражающий зрелостью своей шахматной мысли, проникновенностью своих шахматных достижений и громадной этической силой своих новшеств.

Здесь мы видим не только блистательные победы практика (в Париже, Берне и Баден-Бадене) или ценные работы теоретика (нью-йоркский сборник 1924 г.), но и невиданные до сих пор виртуозность гастролера, мировые рекорды игры à l'aveugle* (в Нью-Йорке против 26 и в Париже против 28 сильных соперников!), обоснование новой стратегии, богатство новых идей, вулканизацию игры, которая у Ласкера кажется борьбой индивидуальностей, у Капабланки чудом техники, но только у Алехина поражает своим артистическим подъемом.

Чтобы не показаться, однако, голословным и ничуть не считая

* Сеансы одновременной игры, в которых сеансер не смотрит на доску. — *Прим. ред.*

вышесказанного хвалебным гимном, а, напротив, только скромным и деловым указанием некоторых алехинских достижений, мы подкрепим каждое из наших утверждений фактическим материалом и постараемся для этого проследить шахматную карьеру Алехина с самого ее начала.

* * *

Бледный, но живой 16-летний юноша на всероссийском турнире в Петербурге 1909 года. Ожесточенная, честолюбивая борьба со многими сильными соперниками, как, например, Ротлеви и Верлинский, и в результате — блестящий первый приз, сразу привлечший внимание к нему съехавшихся в Петербург на турнир маэстро из многих стран.

Последовавшее вскоре затем участие Алехина в международных турнирах в Гамбурге 1910 года (несмотря на сломанную ногу) и в Карлсбаде 1911 года ознаменовалось также взятием призов, но, конечно, это были еще только первые шаги, хотя вспышки нового, своеобразного таланта уже давали себя знать, например, в его карлсбадской партии против Видмара (№ 5 настоящего сборника), где

оригинальная жертва коня 9. Kg4—h6+ явилась подлинным откровением. Приходилось еще, однако, констатировать недостаток турнирной выдержки, примером чего была карлсбадская партия Алехина против Шлехтера, так глубоко проведенная в дебюте молодым маэстро против могучего соперника.

Быстро совершенствуясь и легко взяв два первых приза в маленьких турнирах (в Стокгольме 1912 года и в Шевенингене 1913 года, при участии старого льва Яновского), а также (вместе с Нимцовичем) и на всероссийском чемпионате в Петербурге 1913 / 14 гг., он только на последовавшем затем мировом турнире в Петербурге 1914 года развернулся в полную силу, обогнав на этом исключительном состязании знания, таланта и нервов всех «обыкновенных» чемпионов, причем и из единоборства с тогдашним Weltmeister'ом Ласкером он вышел с честью, сделав черными (так же, как годом ранее, играя белыми в одной из гастрольных московских партий) очень красивую ничью с жертвой фигур.

На начавшемся в июле 1914 года международном турнире в Мангейме Алехин с каждым туром все более закреплял свое

превосходство, давая и в качественном отношении яркие образцы фантазии, энергии и оригинальности, применив, например, во французской партии против Фарни (№ 31) в первый раз пешечный выпад 6. h2—h4, а также открывая совершенно новые перспективы и в других дебютах. Алехин начал уже сказываться во всей своей оригинальности и глубине не только как смелый фантазер, но и как теоретик-новатор.

Первый приз мангеймского турнира, а вместе с ним и новый шахматный триумф был уже, казалось, ему обеспечен, но судьба судила иначе: разразилась мировая война.

Несмотря на полную оторванность Алехина с 1914 по 1921 год от западноевропейской шахматной жизни, в какой период некоторые маэстро (Боголюбов, Рети) заняли первенствующее место в Европе, 1921 год, год возвращения Алехина на международную шахматную арену, всецело был отмечен алахинской гегемонией: во внешнем отношении — первые призы на всех трех турнирах — в Триберге, Будапеште и Гааге, во внутреннем отношении — разгром главных соперников, Боголюбова и Рубинштейна,

в блестящих, достопамятных партиях (в Триберге и Гааге). Наконец, в идейном отношении — обогащение шахматной мысли совершенно новым подходом к делу: динамика центрального продвижения $e3—e4$ в партии против Боголюбова в Будапеште (№ 57), кипучесть двухфланговой работы в гаагской партии против Рубинштейна (№ 61) показывают нам Алехина как стратега исключительного ранга, осуществляющего различные стремления новейших течений в шахматах, но придающего им классический характер.

Еще более сказалась эта законченность алехинских концепций в его знаменитом дебютном нововведении — в кажущейся такой парадоксальной, но глубоко продуманной защите Алехина (1. $e2—e4$ Kg8—f6), впервые примененной им после короткого предварительного изучения в Будапеште, в партии против А. Штейнера (№ 58), послужившей исходной точкой для совершенно новой теории шахмат. Подаются новые надежды отстающим на один темп черным, выражается на деле идея «отвлеченных» темпов, придается с первого же хода огромная важность неизбежности пешечной

конструкции, о которой мечтал Стейниц, изменяются прежние научные законы борьбы, позволявшие философу их Ласкеру побеждать соперников.

Успех был, к слову сказать, не только моральный, но и фактический, как доказывают, например, результаты применения этого дебюта на всемирных турнирах в Нью-Йорке в 1924 году, где черные выиграли из трех партий две при одной ничьей, а еще более в Москве в 1925 году, где черные выиграли из восьми партий шесть при двух ничьих. Вызвав целую литературу, защита Алехина стала излюбленным коньком ряда маэстро, как, например, Грюнфельда, Костица и Рети, посвятивших много усилий разработке ее вариантов, а за последнее время адептами ее стали и оба чемпиона (ср. нью-йоркскую партию Мароци — Ласкер и московскую Ейтс — Капабланка).

Непрерывно подвигается вперед творческая работа Алехина. Это он обычно берет на себя смелость впервые применять в важных турнирных партиях новые идеи, носящиеся в воздухе, как мы уже видели, например, в его партии против Фарни в Мангейме и как это очень ярко выразилось в его

партии против Тарраша в Пестъене (№ 62), где он, играя черными, удачно применил новый гамбит (гамбит Блюменфельда), сыграв 4. . . b7—b5. Эта партия первого тура, будучи выиграна Алехиным в чрезвычайно эффектным стиле, произвела фурор, а впоследствии была удостоена специального приза.

Соединение красоты комбинаций с глубокой и оригинальной постановкой партии является вообще отличительной чертой алевинской игры, как это показывает игранная на том же турнире в Пестъене в 1922 году другая его премированная партия против Вольфа (№ 65) своим чудным ходом 6. e2—e4! в связи с последующими маневрами ферзя или на турнире в Вене 1922 года — его быстрая победа черными в партии против Кмоха (№ 75) благодаря грандиозно проведенному пешечному штурму h7—h5, g7—g5 и т. д.

Заслуживает особого упоминания сыгранный на том же венском турнире его замечательный, премированный эндшпиль против Тартаковера (№ 78) с проблемным форсированным выигрышем в положении, которое вся Вена считала явно ничейным.

Перейдем к лондонскому турниру гроссмейстеров 1922 года, в котором Алевин, хотя и остался позади игравшего с великолепным хладнокровием чемпиона мира Капабланки, но зато также не проиграл ни одной партии, а в единоборстве с кубинцем получил то моральное удовлетворение, что заставил последнего предложить ничью на 17-м ходу. Партия эта, многими очень раскритикованная за ее краткость и кажущуюся сухость, нам, напротив, представляется очень важной и динамичной и (как мы это уже установили в нашей «Ультрасовременной партии»*) квинтэссенцией всех тогдашних шахматных познаний. Великолепен ферзевый маневр Алевина $\Phi d1—c2 : c3—d3 : a6$, являющийся, так сказать, рычагом всей партии. Не менее изумителен по своей легкости и грации высвобождающий маневр Капабланки $c6—c5 : d4$ в связи со своевременной контригрой по линии с. Тогда уже можно было предугадать, сколько чудных концепций дал бы матч между этими обоими мировыми мастерами!

Перлом шахматной стратегии является партия лондон-

* «Ультрасовременная шахматная партия» — известная книга С. Г. Тартаковера. — *Прим. ред.*

ского турнира Алехина против Ейтса (№ 69), в которой не вполне еще постигнутый всеми принцип слабости черных (или белых) полей получил наконец реальную оболочку. Теоретически очень важен в этой партии новый маневр Кс3—е4, имеющий целью (так же как и вышеупомянутый ход 6. h2—h4 во французской защите) сохранить, насколько возможно, фигурное напряжение борьбы. Эту идею, открывающую новые горизонты в столь истрепанном ферзевом гамбите, Алехину удалось, как мы увидим, в Баден-Бадене, в партии против Трейбала, еще более углубить и проработать.

Главным же теоретическим нововведением Алехина на лондонском турнире, оказавшим влияние на всю современную турнирную практику, является его партия черными против Рубинштейна (№ 70), реабилитирующая, благодаря глубоко продуманному маневру b7—b5—b4, защиту 2. . . c7—c6, которая и вошла в любимый репертуар таких мастеров, как Ласкер, Боголюбов и другие. Разбор вариантов этого способа игры, оставляющего за черными возможность полного развития ферзевого слона и от-

нюдь не связанного с отказом от своевременного продвижения с6—с5, все еще продолжается, и здесь Алехин явился достойным завершителем исканий выдающихся русских мастеров — Чигорина, Винавера и Алапина, посвятивших много трудов славянской защите!

Возвратимся, однако, к Алехину как к практику, выигравшему в гастингском турнире 1922 года черными, в голландской защите, партию против Боголюбова (№ 73) — самую красивую партию новейшей эпохи, причем красота великолепных жертв дополняется глубиной стратегии, проявляемой по всей доске!

Много говорят о волевых победах Ласкера в последних турах, от результатов которых зависит итог турнира. Таковым вдвойне изумительным психологическим достижением является и вышеупомянутый, сыгранный в последнем туре шедевр, принесший Алехину первый приз, так же как это было и с его блестящей гаагской победой над Рубинштейном.

А с каким подъемом кидается Алехин в турнирную битву, мы видели уже на примере его пестынской партии против

Тарраша. Еще эффектнее «пришел, увидел и победил» Алехин в Карлсбаде в 1923 году, начав турнир сразу двумя феерическими победами против чемпиона логики Рубинштейна (№ 81) и чемпиона теории Грюнфельда (№ 80). В особенности поражает последняя партия, удостоенная потом первого приза за красоту, и не только своей логично подготовленной заключительной жертвой: она считается тщетно разыскиваемым всеми другими маэстро решением задачи — как удачно разыграть ортодоксальную защиту в ферзевом гамбите. Нередко случавшиеся уже раньше, но только в разброс ходы $a7—a6$, $h7—h6$, $Lf8—e8$, $c6—c5$ и т. д. сливаются под виртуозной рукой Алехина в цельную систему, вовремя друг друга дополняя, тонко предупреждая неприятельскую атаку и неожиданно передавая инициативу в руки черных.

Немудрено, что каждый дебютный ход Алехина — этого мастера дебютов — таит в себе так много потенциальных сил и придает всей партии новый облик, как мы это видим, например, на тонко продуманном ходе $3. g2—g3$, введенном Алехиным в турнирную практику

против защиты Грюнфельда ($1. d2—d4 Kg8—f6 2. c2—c4 g7—g6$). Как логично, последовательно и красиво вытекают из этого незаметного хода все дальнейшие операционные действия белых, показывает, между прочим, ценная партия Алехин — Томас (№ 85) из того же карлсбадского турнира.

Еще больше внешней последовательности, а поэтому приближения порывистой игры Алехина к классическому стилю заключает в себе его карлсбадская партия черными против Тарраша (№ 82), в которой достижение, а потом и проведение блокады отсталой пешки $c2$ вызывает восхищение всех знатоков.

Из алехинских шедевров на маленьком турнире в Портсмуте в 1923 году упомянем сыгранную им в ультрасовременнейшем стиле партию против профессора Дрюита (№ 89), закончившуюся эффектной жертвой двух дальнобойных слонов.

* * *

Хотя настоящая книга, являющаяся первой частью сборника партий Алехина, заканчивается 1923 годом, но мы,

конечно, еще продолжим наш обзор карьеры Алехина.

В нью-йоркском турнире 1924 года игра Алехина хотя и очень солидна, но лишена его обычного блеска. В этом смысле взятый им третий приз — громадное достижение для всякого другого игрока — был сравнительным неуспехом.

Но уже следующий, 1925 год вознес Алехина на небывалую, исключительную высоту.

Четыре первых приза (в Париже, Берне, Баден-Бадене и Гастингсе) без проигрыша хотя бы единой партии, целый ряд ценных шахматно-литературных трудов, лекции и сеансы по всей Европе (в Швейцарии, Голландии, Чехословакии, Англии) ознаменовали этот период подъема творчества Алехина.

С большой легкостью провел Алехин оба маленьких турнира в Париже и Берне: без особой борьбы разбил он (в партии против Опоченского) общепризнанную систему защиты, многократно (против Зноско-Боровского, Опоченского и Колле) жертвовал ферзя, изыскивая (против Тартаковера в Парнасе и Аурбаха в Берне) всевозможные выигрышные шансы. Но вот начинается в Баден-Бадене

самый большой из всех послевоенных западноевропейских турниров, и, несмотря на отсутствие обоих чемпионов мира, вопрос: «кто победит?» — наполняет спортивным духом весь шахматный мир.

Триумфальное шествие Алехина в этом турнире записано золотыми буквами в анналах шахматной истории: после первой ничьей (против новой звезды — Торре) девять выигранных подряд партий делают его неоспоримым лидером, и он, разгромляя всех соперников (Нимцович, Маршалл), далеко опередив ближайшего конкурента Рубинштейна, игравшего в былую силу, и Боголюбова, в лице которого он имел серьезного соперника, не проиграв ни одной из двадцати партий и не имея даже ни одной из них хотя бы сколько-нибудь скомпрометированной (в отличие, например, от Ласкера, получившего в Нью-Йорке приблизительно пять проигранных позиций!), взял не только первый, но и первый из всех первых призов, так как такого стиля победы на большом международном турнире никогда еще не видали.

Перед этим чисто Weltmeister'ским стилем при-

нуждены были беспрекословно склониться все остальные соперники. Постараемся же установить главные факторы его исключительной силы.

Его игра белыми — это сама стихийность, иногда заключающаяся в тонкостях дебюта (как, например, в партиях против Рабиновича или Земиша), но всегда сокрушающая (как, например, в блестящей партии против Маршалла) всю позицию соперника.

Черными же — и это самое главное, чтобы достигнуть в первоклассных состязаниях исключительных успехов, — Алехин придумал для своих баден-баденских партнеров новую стратегию, основанную на том, что он, давая сопернику в дебюте возможность пешечного нажима, на этот раз сделал еще шаг вперед, добровольно допуская и мощный фигурный нажим соперника, оставляя за собой только какой-нибудь незаметный шанс, разрастающийся, однако, благодаря его динамичной игре в решающий фактор победы. Таковы были его победы над Нимцовичем, где он вынудил соперника маневром $e2—e3$ и $d2—d4$ запереть своего королевского слона ($Cc5—b6—a7—b8$),

чтобы потом, в эндшпиле, как раз выигрышем пешек $e3$ и $d4$ решить партию; над Таррашем, где он после целого ряда тонких предупредительных маневров ($4. . . Cc5—b6$, $11. . . \Phi e7—d8$, $13. . . Cb6—a7$) перешел к решительной контратаке, сосредоточив атаку на пешке $h3$ в лагере белых. В особенности замечательна его партия с Рети, в которой он позволил совершенно блокировать свой ферзевый фланг, но рядом блестящих комбинаций доказал идейную слабость первого хода белых $1. g2—g3$.

При всем этом сама по себе бурная игра Алехина все более получает просветленный, классический оттенок, как мы это видим, например, в его партии черными в Баден-Бадене против Томаса, где он очень убедительно провел блокаду отсталых пунктов $c3$ и $a3$, или, еще более, в его партии белыми против Трейбала, важной не только благодаря дебютной новинке ($10. Cg5 : e7$ в связи с $11. Kc3—e4!$), но и благодаря показанному в ней выдержанному стилю борьбы!

Выводы после баден-баденского турнира были для шахматного мира налицо, ибо мастеру, сыплющему, как из рога изоби-